

УДК 82.0

**ИЗ ИСТОРИИ СТОЛИЧНЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТАКТОВ БОРИСА САДОВСКОГО:
СОТРУДНИЧЕСТВО С АЛЬМАНАХОМ
«ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕЧЕРА»**

© **Изумрудов Юрий Александрович** (2022), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-code: 2178-5120, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), izumrud.nnov@mail.ru

В статье рассматриваются аспекты петербургских литературных контактов Б.А. Садовского. Для Садовского, получившего писательскую известность в Москве, важно было утвердить себя и в столице, где сконцентрированы лучшие литературные силы. И с целью представить некоторые этапы этого утверждения в статье приводятся выдержки из неизданных пока еще писем Садовского родителям в Нижний Новгород, где содержится соответствующая информация. Центральным в статье становится изложение обстоятельств сотрудничества Садовского с альманахом «Петербургские (Петроградские) вечера», издаваемого Е.А. Нагродской, автором нашумевшего в читательских кругах романа «Гнев Диониса». Акцентируются факты знакомства и общения Садовского с Нагродской в контексте знаковой для петербургской богемы темы, связанной с артистическим кабаре «Бродячая собака». Впервые публикуется, с подробным комментарием, переписка Садовского и Нагродской. Также впервые дается анализ опубликованной в третьем номере «Петроградских вечеров» (1914) статьи Садовского «Н.М. Языков (очерк жизни и творчества)». С точки зрения жанра это литературный портрет. Яркий, экспрессивный текст с полемическим настроением, вызывающий несомненный интерес читателя. Вместе с тем в конечных выводах порой излишне категоричен, пристрастен. Подчеркивается, что оценки Садовского в целом шли в русле традиций научных интерпретаций поэзии Языкова, сформировавшихся в XIX и начале XX вв. Современные исследователи более взвешенно подходят к анализу творческой судьбы Языкова. В этом отношении выделена книга Е.В. Языковой «Творчество Н.М. Языкова» (1990). Приведены стихи о Языкове большого ценителя его творчества В.В. Афанасьева (монаха Лазаря).

В контексте концепции творческого пути Языкова, предложенной Садовским, рассмотрена и его собственная судьба как человека и творца.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, Е.А. Нагродская, «Петербургские вечера», «Бродячая собака», Н.М. Языков, Е.В. Языкова, В.В. Афанасьев (Монах Лазарь).

В сентябре 1902 года, после окончания Нижегородской гимназии, Борис Садовской приехал в Москву поступать в университет. И в течение этого первого десятилетия XX века из безвестного студента-стихослагателя он превратился в авторитетного, влиятельного литератора, мнением которого дорожили, с которым искали встречи. Сам Брюсов пригласил его в свои «Весы» в качестве постоянного сотрудника. Садовской много печатается, выпускает поэтический сборник «Позднее утро», книги литературных портретов «Русская Камена», исторических рассказов «Узор чугунный»...

Вместе с тем ему хочется утвердить себя как писателя и в столице, Петербурге, где сконцентрированы лучшие литературные силы, где возможности шире московских, благо уже оттуда последовало приглашение на редакторскую работу.

О некоторых этапах этого утверждения – в выдержках из неизданных пока еще писем Садовского родителям в Нижний¹:

«Вчера вернулся из Петербурга. Дела устроились хорошо. Был в “Речи”, где ко мне относятся прекрасно, дал рассказ и получил 100 р. Был в “Сатириконе” и получил 50 р.<ублей><...> Изд-ательств>во “Огни” предложило мне редактировать Соч.<инения> Языкова за приличную плату, а в “Шиповнике”, может быть, издадут повести мои и рассказы. Во “Всеоб.<щем> ежем.<есячнике>” дело пошатнулось лишь временно; во всяком случае, мне за все заплатят. Устроился еще в газету “Голос земли” на очень выгодных условиях и уже напечатал там статью о мнимой рукописи Пушкина (в № за 20 авг.) <...> Наконец, артист Александр.<инского> театра Давыдов заказал мне написать 2 монолога для него лично – с ними он объездит всю Россию весной. Прежние мои монологи, которые я писал для Ракитина, в Пб. <Петербурге> имеют огромный успех.

Принимали меня весьма радушно: петербуржцы меня вообще любят; я был у Ремизова, Городецкого, Розанова и других, за исключением Блока, который болеет и лежит» (31.01.1912).

---

¹ Полный корпус этих писем готовится нами к публикации.

«Теперь можешь поздравить меня с местом не секретаря – а члена редакции, точнее сказать, заведующего всем литературным отделом “Современника”. Я буду фактически редактировать весь этот отдел, принимать и отвергать рукописи и лишь давать их на окончательное утверждение Ляцкому², для подписи. <...> ...я могу писать в своем отделе все, что я хочу – статьи, рецензии – все это в моих руках. Жалованье мне дается 100 р.; затем я имею право писать ежемесячно в журнале на эту же сумму – итого 200 р. На будущий год, если дело пойдет лучше, мне прибавят. Но это все пустяки, а главное: самостоятельность и хорошее литературное положение, что очень для меня важно. <...> Я выступал здесь на студенческом литерат.<урном> вечере – читал стихи – и имел успех» (14.03.1912).

«Третьего дня у меня был в гостях Алексей Ремизов. Иногда заходит С. Городецкий. Я был у Вяч. Иванова, у Блока. Все принимают радушно» (20.05.1912).

«Извещаю Вас о перемене в моей жизни: я приглашен в редакции литературного отдела в новой газете “Русская молва”. Жалованья – 200 р. Общий же заработок может достигнуть цифры вдвое большей. <...> “Нива” по телеграфу заказала мне статью о Тютчеве. Вчера я был там и мне тотчас выдали 75 р. аванса. Хорошо обстоит деле и с “Речью”, и с журналом Чацкиной³, где я буду играть первую скрипку.

Пока 1913 год восходит при добром предзнаменовании» (27.11.1912) [Садовской РГАЛИ, л. 57–58; 60–61; 67 об; 79, 80].

А вот как об этой *предзнаменованной* дате Садовской напишет в своих позднейших мемуарах, увидевших свет лишь в наше время: «До масленицы 1913 года я прожил в Петербурге. Теперь я был признанный писатель с безукоризненным именем. Все редакции передо мной открылись. Я зарабатывал много» [Садовской 1991, 172].

***

Мы не ставим себе целью здесь давать подробный разбор обстоятельств столичных литературных контактов Садовского, это слишком обширная тема, потребует не одной статьи, тем более что

---

² Ляцкий Евгений Александрович (1868–1942), редактор журнала «Современник».

³ Чацкина София Исааковна (1878–1931), издатель журнала «Северные записки».

петербургский период жизни нашего автора продолжался, пусть и с перерывами, вплоть до 1916 года (в упомянутых мемуарах он выделен в специальную главу, заключительную: «Петербург (1912–1916)»). Акцентируем лишь один эпизод (еще не становившийся предметом внимания исследователей), связанный с сотрудничеством с Е.А. Нагродской, редактором альманаха «Петербургские вечера» (с 1914 г. – «Петроградские вечера»). Эпизод, казалось бы, рядовой, малопримечательный, но обнаруживающий интересный контекст.

Евдокия Аполлоновна Нагродская (1866–1930), имевшая любопытную для современников родословную как дочь гражданской жены Н.А. Некрасова А.Я. Панаевой, слыла писательницей плодотворной, многожанровой, но в историю литературы вошла, главным образом, одним произведением – вызвавшим бурный читательский резонанс и выдержавшим только до революции 10 изданий романом «Гнев Диониса». Приведем характеристики его из двух масштабных авторитетных трудов. Первая – из «Краткой литературной энциклопедии» 1968 года: роман «посвящен сексуальным проблемам, проповеди “свободной любви”, рисовал борьбу между волей к “творчеству” (героиня романа – художница) и властью материнства» [Богословский 1968, стб. 70]. И вторая – из Биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» (1999 года): «Герои классического любовного треугольника (талантливая художница, от лица которой ведется исповедальный рассказ, преданный ей муж, олицетворяющий гармоничное аполлоническое начало, и любовник, женственный красавец, с которого художница пишет фигуру Диониса) связаны настолько запутанными нитями, что для их “распутывания” в роман введен герой-резонер, который дает “анализ женской физики и психики”, ориентируясь на популярную в те годы в России книгу О. Вейнингера “Пол и характер”, – т. е., как писал критик, автор пытается “все сложные... переживания своих героев свести к страничке из учебника частной патологии” (В. Кр.<анихфельд>). Эмансипированная героиня романа, чей характер необычен для женщины, но вполне обычен для мужчины (по определению героя-резонера), должна переступить последнюю грань: принять любовь к двоим как естественный путь соединения “аполлонического” и “дионисийского” начал» [Кушлина, Коханова 1999, 203].

Творчество Нагродской по своей идейной направленности не могло отвечать интересам Садовского, но писательница играла заметную роль в литературном Петербурге, и для него было ценным

установить с ней контакты. Мы не располагаем точными данными о том, как произошло их личное знакомство, но с большой долей вероятности можно предположить, что случилось это в артистическом кабаре «Бродячая собака», постоянными посетителями которого были они оба. Так, А.Е. Парнис и Р.Д. Тименчик, изучившие историю знаменитого кабаре, свидетельствуют: «10 марта 1912 г., по-видимому, впервые побывал в “Собаке” поэт Борис Александрович Садовской; в письме к А.М. Ремизову он просил в этом содействии... Впоследствии Садовской стал заметной фигурой в “Собаке” (см. Ф. Иванов. Старому Петербургу (Что вспомнилось). – Жизнь, Берлин, 1920, № 9, с. 12 – 14)» [Парнис, Тименчик 1985, 185, 186]. В 1920-е Садовской так вспоминал о кабаре: «...в подвале на Михайловской площади открыт был литературный кабачок. Сюда собирались литераторы, живописцы, музыканты, актеры. Их привлекала дешевизна буфета и даровой вход, а публика валом валила смотреть знаменитостей. Окон в подвале не было. Две низкие комнаты расписаны яркими, пестрыми красками, сбоку буфет. Небольшая сцена, столики, скамьи, камин. Горят цветные фонарики. Из передней, где шипели кухонные пары, услышал я пение. Подвал был переполнен. Кавалеры и дамы, под дирижерство длинного поэта Потемкина, хором пели на известный мотив "Стрелóчка":

Законопатило, за-
конопатило, за-
конопатило, зако-
нопатило. <...>

Пение стихло. Потемкин вылил себе в рот из бутылки остатки коньяку и дружески меня приветствовал» [Садовской 1991, 172–173].

От тех «собачьих» времен у Садовского сохранился следующий его экспромт (пародия на стихотворение «Прелести земли» Александра Ивановича Тинякова, выступавшего под псевдонимом *Одинокий*), где в описании кабачка симптоматично, в кругу гостей, упомянута именно Нагродская:

Прекрасен поздний час в собачьем душном крове,
Когда весь в фонарях чертог сиять готов,
Когда пред зеркалом Кузмин подводит брови
И семенит рысцей к буфету Тиняков.

Прекрасен песий кров, когда шагнуло за ночь,
Когда Ахматова богиней входит в зал,
Потемкин пьет коньяк, и Александр Иваныч
О махайродусах Нагродской рассказал.
Но вот уж близок день, уж месяц бледноокий,
Как Конге, щурится под петушиный крик,
И, шубы разроняв, склоняет Одинокий
Швейцару на плечо свой помертвелый лик [Садовской 1991,
182–183].

С.В. Шумихин, публикатор этого экспромта, сопровождал его таким комментарием: «“Махайродусы”, возможно, восходят к названию раздела первого поэтического сборника М.А. Зенкевича “Дикая порфира” (1912), где автор обратился к изображению доисторических эпох Земли» [Садовской 1991, 183].

Поясним: здесь совсем не *возможно*, а *точно*: «Махайродусы» связаны именно с «Дикой порфирой», правда, это уже название не раздела сборника, а отдельного стихотворения. Автор «Дикой порфиры», акмеист Зенкевич, также часто навещался в «Бродячую собаку». Был знаком с Садовским, который напечатал в журнале «Современник» (том самом, о котором сообщал в письмах отцу) рецензию на «Порфиру». Вот, в частности, строки из нее, где упоминаются «Махайродусы», долженствующие, по мысли поэта Одинокого, поразить воображение госпожи Нагродской: «Г. Зенкевича влекут к себе неумирающие тайны природы, хороводы солнц, пред величием которых замирает пытливый дух; ему слышится вечный рев миров, провидятся их “вихревые сдвиги”. Вознося гимны “к материи”, г. Зенкевич стремится приникнуть к “темной мудрости звериной”. Отметим такие стихотворения, как “Темное родство”, “Ящеры”, “Махайродусы”. Художественному словарю г. Зенкевича свойственны выражения вроде: “жидкие пары металлов, оси, орбиты, первичные силы, инфузории, полушария, кремнезем <sic>, цементная мазь, слизь, огненно-липкая жижа мозгов” – и тому подобные прозаизмы, опозитизированные сдержанной силою стиха.

Я зверь, лишенный и когтей, и шерсти,
Но радугой разумною проник
В мой рыхлый мозг сквозь студень двух отверстий
Пурпурных солнц тяжеловесный сдвиг.

Вот стихи, характерные для г. Зенкевича, который как поэт, конечно, еще весь в будущем» [Садовской 1912, 361–362].

И еще примечательный факт. Хорошая знакомая Нагродской писательница Т.Г. Краснопольская (Шенфельд)⁴ в своем романе «Над любовью» изобразила ее в образе *Несветской*, завсегдадая кафе «Заблудшая овца», в чем был достаточно прозрачный намек на «Бродячую собаку». И опубликован был этот роман как раз в том самом номере «Петербургских вечеров», куда вошло и произведение Садовского, о котором у нас еще речь впереди.

Садовской мог видеться с Нагродской не только в «Бродячей собаке», но и у неё дома, в квартире на Мойке, где был своеобразный литературный салон. Известно, что его посещали, в частности, М.А. Кузмин, С.А. Ауслендер, Г.В. Адамович, Г.В. Иванов, Ю.И. Юркун, та же Краснопольская (Шенфельд)... «Собрания <в этом салоне> пользовались в Петербурге дурной славой⁵, – пишут биографы Нагродской. – “Метафизическая квартира” была известна своими спиритическими сеансами. Кузмин в “Плавающих-путешествующих” придал облику хозяйки квартиры – Ираиды Львовны (внешнее описание не оставляет сомнений в портретном сходстве с Нагродской) черты нарочито добродетельные (“все пристают ко мне, что я Ираида, я этого не отрицаю...” – письмо Кузмину)» [Кушлина, Коханова 1999, 203–204].

Прокомментируем процитированное. «Плавающие-путешествующие» – это повесть Кузмина, которая, собственно, и создавалась в квартире Нагродской (автор располагал здесь комнатой для проживания) и которая, к слову, выводит нас опять-таки на тему «Бродячей собаки»...

***

Приводим переписку Садовского и Нагродской. Увы, она, короткая: всего лишь два письма. В известных нам архивах других писем мы не обнаружили.

---

⁴ В РГАЛИ хранятся ее письма Садовскому (23 февраля 1916 – 10 мая 1918 гг.). Ф. 464. Оп.1. Ед. хр.75. Данные письма готовятся нами к публикации.

⁵ Отталкиваясь от этого фактора предосудительной репутации дома на Мойке, исследователи Инь Лю и М.В. Михайлова соответствующе озаглавили свою монографию об авторе «Гнева Диониса»: «Творчество хозяйки “нехорошей квартиры”, или Феномен Е.А. Нагродской» [Лю, Михайлова 2018].

1.

Е.А. Нагродская – Б.А. Садовскому.

«Петроград – 1.

Мойка 91.

Многоуважаемый Борис Александрович!

Как только я получила Ваше письмо, я сейчас же передала его издателю М.И. Семенову. Вчера я узнала, что он еще не произвел с Вами расчета за статью. Сегодня он, наверное, уже выслал Вам гонорар. Многоуважаемый Борис Александрович, если будете в Петрограде, не откажите зайти ко мне. Я хочу просить Вас написать одну статью для будущей книги альманаха. Эту статью я оплачу лично и вперед (подчеркнуто Нагродской. – Ю.И.). Вы знаток русской литературы, а статья об одном забытом старом писателе.

С уважением

Е. Нагродская».

<19 ноября 1914 г.> [Нагродская РГАЛИ, л. 1–2]

2.

Б.А. Садовской – Е.А. Нагродской

«Уважаемая Евдокия Аполлоновна!

Спешу ответить на полученное мною Ваше письмо.

В Петрограде я буду никак не ранее весны, посему и прошу Вас тему предложенной для второго Альманаха статьи сообщить мне теперь же. Нельзя ли также узнать точные условия Ваши?

Со своей стороны, предлагаю Вам, ежели угодно, несколько моих стихотворений, статью «Четыре смерти» (Пушкин, Гоголь, Фет и гр. Л. Толстой в их отношении к смерти и обстоятельства их кончин), а также одиннадцать неизданных доселе писем А.А. Фета к разным лицам, с моими подробнейшими примечаниями. Буде все это Вам подходит, я по первому требованию готов прислать.

Позволяю себе рекомендовать «Петроградск.<им> вечерам» знающего и талантливого сотрудника: это Владислав Фелицианович Ходасевич, московский поэт и прозаик. Адрес его: Москва, Пятницкая, д. 49, кв. 18. Вы можете, ежели найдете это нужным, прямо написать ему, сославшись на меня.

Желаю Вам и Вашему прекрасному начинаю полного счастья и успеха.

Готовый к услугам

Борис Садовской.

19 ноября

1914.

Нижний Новгород, Тихоновская, с.д. <собственный дом>

P.S. Надеюсь получить первую книжку. Деньги все еще не пришли» [Садовской РО ИРЛИ, л. 1–2]

***

Комментарий к переписке.

Письмо Нагродской, датированное 15 ноября 1914 года, является ответом на предыдущее письмо Садовского, которое, увы, не сохранилось. Упомянутый ею М.И. (Матвей Иванович) Семенов (1873–1942), который должен был выслать гонорар Садовскому, был издателем альманаха «Петербургские (Петроградские) вечера». Всего вышло четыре номера: первый и второй в 1913 году, третий – в 1914-ом и четвертый – в 1915-ом. В них публиковались, в частности, М.А. Кузмин, Г.В. Иванов, О.Э. Мандельштам, Н.С. Гумилев, Ю.Л. Слезкин, Рюрик Ивнев, М.А. Долинов, сама Нагродская... Также Семенов издавал все произведения Нагродской, неизменно посещал собрания ее салона на Мойке. Известен еще и выпуском Собрания сочинений Кузмина. В РГАЛИ хранятся два письма Семенова Садовскому (от 3 декабря 1914 и 25 января 1915 гг. Ф. 464. Оп.1. Ед. хр. 120; данные письма готовятся нами к публикации). Предложение Нагродской написать статью «об одном старом писателе» (причем на особых условиях: «оплатить лично и вперед») основывалось на понимании авторитета Садовского в области истории русской литературы. К этому времени вышла отмеченная благосклонным вниманием критики его книга литературных портретов «Русская Камена», было опубликовано множество статей, рецензий, эссе в периодике. Да и, видимо, статья о поэте Николае Языкове, которая вошла в третий номер «Петроградских вечеров» (это за нее Семенов должен был выслать гонорар автору), произвела впечатление на Нагродскую.

Однако сотрудничество Садовского с альманахом Нагродской – Семенова ограничилось лишь этой статьей. Другие материалы в «Петроградских вечерах» не появились.

Сокращенный вариант статьи «Четыре смерти» (за вычетом пушкинского, фетовского и гоголевского сюжетов) Садовской напечатает в виде заметки «Толстой и смерть» в своей книге «Ледоход» (1916) [Садовской 1916]. Фетовскую же часть «Четырех смертей» включит (в стилистической переработке) в статью «А.А. Фет», в ее завершающий, четвертый раздел, и поместит в том же «Ледоходе». Вообще, фетовская тема в этой книге будет занимать значительное место. Сюда войдут также десятичастная «Foethiana» и два «Приложения» к упомянутой статье («А.А. Фет»), где представлены рукописи и письма поэта. Писем (с комментариями) – одиннадцать (М.П. Погодину, М.А. Милютиной, П.Н. Каратееву, О.М. Соловьевой), и это, надо понимать, как раз те, которые Садовской предлагал Е.А. Нагродской. Полный текст статьи «Четыре смерти» опубликован в 1997 году [Андреева 1997].

Рекомендация Садовского «Петроградским вечерам» Ходасевича показательна. Они, будучи друзьями и единомышленниками, всегда, как только представлялась возможность, старались помочь друг другу с публикациями. Так, пользуясь своими столичными связями, Садовской свел Ходасевича с редакциями газеты «Русская молва» и журнала «Северные записки», и там были напечатаны его стихи, переводы с польского, статьи. Но с альманахом Нагродской – Семенова – так распорядилась судьба – Ходасевичу не довелось сотрудничать.

В 1925 году Ходасевич, уже эмигрант, на основании ложных слухов о смерти друга напечатал в Парижской газете «Последние новости» статью-некролог «Памяти Б.А. Садовского». И, на наш взгляд, это и по сей день лучшие страницы из всего того, что написано о Садовском в нашей литературе.

А теперь, собственно, о главном предмете нашего повествования в связи с «Петроградскими вечерами» – об упомянутой статье Садовского. В альманахе она имеет название «Н.М. Языков (очерк жизни и творчества)». Написана она еще в 1911 году. Автор предполагал напечатать ее в журнале «Русская мысль». «Есть у меня статья о Языкове (меньше листа, страниц на 14 печатных) – не хотите ли ее взять?» [Щербаков 1993, 116], – обратился он в сентябре 1912 года к В.Я. Брюсову, редактору отдела беллетристики и критики журнала. Однако тот по каким-то причинам статью не принял, сообщал авто-

ру, что ждет от него повести. В Петербурге, в издательстве «Огни», как мы уже отмечали выше, Садовскому предложили редактировать собрание сочинений Языкова: видимо, ознакомились с основными положениями его статьи о нем и убедились в эрудиции автора относительно творчества этого поэта из пушкинской плеяды. Приходится сожалеть, что данное издание не состоялось: причины этого, скорее всего, в разладе отношений Б. Садовского с редактором «Огней» (и журнала «Современник») Е.А. Ляцким. Приведем фрагменты их переписки по означенной теме: «В числе Ваших работ “на осень” Вы не упоминаете об Языкове. Это случайность? Позволю себе напомнить Вам, что обещанная Вами работа об Языкове находится в теснейшей связи с решимостью “Огней” выступить на путь издания современных поэтов» (Ляцкий – Садовскому, 6 июля 1912 г.); «Замечание Ваше касательно Языкова меня удивило. Я потому не упомянул об этой работе, что она и без разговоров подразумевалась. Данное слово я всегда держу, недоверия пока ни от кого не заслужил, и Вы, может быть, даже припомните, что мною начаты были подготовительные работы в Публичной библиотеке. Смею думать также, что ценность предстоящего мне труда высоко превосходит стоимость издания моих стихов⁶, которую г. Лазарев⁷ определял в 100 с чем-то руб. Впрочем, если хотите, это недоразумение мы можем уладить легко и просто: Вы возвратите мне мою рукопись⁸, а я при себе оставлю статью и начатые изыскания по Языкову». (Садовской – Ляцкому, 19 июля 1912 г.); «Об “Огнях”. Благодарю Вас за книгу. Вам я отработаю свой долг в ноябре. Если Вы гарантируете мне 100 р. месячного заработка (хоть в тех же “Огнях”), я Вам в один месяц приготовлю Языкова. Только ответьте мне не позднее 1-го ноября» (Садовской – Ляцкому, 12 сентября 1912 г.) [Ипатова 2022, 493, 494, 497]. Публикатор цитируемой переписки С.А. Ипатова почему-то полагает, что под «работой об Языкове» разумеется именно та статья Садовского, что войдет позднее в «Петроградские

---

⁶ Имеется в виду сборник стихотворений Садовского «Пятьдесят лебедей», который предполагался к выпуску в издательстве «Огни».

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Рукопись сборника «Пятьдесят лебедей».

вечера». На наш взгляд, в данном случае речь идет как раз о подготовке собрания сочинений Языкова.

Итак, о статье Садовского. С точки зрения жанра это литературный портрет Языкова. Яркий, экспрессивный текст с полемическим настроением, вызывающий несомненный интерес читателя и к портретируемому поэту, и к его эпохе. Вместе с тем в конечных выводах порой излишне категоричен, спорен, пристрастен. Такова уже заявленная в первом же абзаце концепция творческой судьбы поэта: «Две резко означенные в жизни Языкова полосы естественно делят надвое и творчество его. Перед исследователем возникают как бы два совершенно различных человека. Первый – поэт, кипящий молодыми силами, цветущий здоровьем, бурно торжествующий розовый праздник юности, в упоении надежд швыряющий безрассудно на ветер щедро дарованные ему природою богатства. Как беспечный приморский жемчуголов, он не заботится о завтрашнем дне, зная наверняка, что его всегда обогатит сама стихия: стоит лишь нырнуть в пучину поэзии, чтобы вынести со дна ее столько бесценных перлов, сколько захватит рука. Молодой Языков воспевает благодатный хмель, восторги сладострастных ночей, праздное вакхическое безумство; в блаженном восторге он готов, кажется, обнять весь мир. Совсем не тот поэт предстает нам по второй половине жизни, когда грозно потребовала у него отчета за каждое потерянное мгновение неумолимо суровая судьба. Нет и помину о разгульном хмельном титане: перед нами смиренно кающийся, расслабленный, бедный грешник, пытающийся живое вино вдохновенного беспутства подменить мертвою водою бездушной святости; в отчаянии переходит он от полубезнадежной уверенности в пользе мазей и гомеопатических крупин к самообману мистического надрыва. На Языкове оправдалась мудрейшая поговорка: *mens sana in corpore sano* (в здоровом теле здоровый дух (лат.) – Ю.И.). Страшная хворь в буквальном смысле переломила богатыря. Перегнув его пополам и заставив бродить на костылях, она раздвоила и поэтическое его сознание» [Садовской 1990, 410]. Садовской дает понять, что Языков не смог в должной мере состояться как поэт (и не имел для этого сил, характера); что его путь свидетельствует о неуклонном и катастрофическом угасании таланта, ставящем под большой вопрос устоявшуюся репутацию поэта как «одного из крупнейших светил пушкинской плеяды»; что на фоне

«всеобъемлющего гения» Пушкина Языков – лишь «застольный певец-менестрель». У Языкова хороши только его песни «пиров и хмеля», «“чудного пьянства” (выражение самого Языкова)», что «захватило нежнейшую пору духовного цветения поэта» и, увы, «без остатка пожало побеги его таланта» [Садовской 1990, 411, 412]. Особенно суров Садовской к творениям поэта на самом закате его жизни (а ведь здесь такие известные послания, как «К ненашим», «Константину Аксакову», «К Чаадаеву» и др. – Ю.И.): «В последних произведениях стих Языкова, заметно ослабевая, приобретает какой-то приторный привкус, напоминающий слегка тон гоголевских нравоучений» [Садовской 1990, 415].

Обобщая, считаем важным подчеркнуть: суждения Садовского в целом шли в русле традиций научных интерпретаций поэзии Языкова, сформировавшихся в XIX и начале XX вв. (да, впрочем, оказавших влияние и на советские десятилетия). Современные исследователи более взвешенно подходят к анализу творческой судьбы Языкова. В этом отношении особенно выделяется книга Е.В. Языковой (кстати, связанной родственными узами с поэтом) «Творчество Н.М. Языкова». На наш взгляд, это вообще лучшая из всех работ о поэте (увы, практически мало оцененная в нашей науке). В ней, в частности, непочитаемым Садовским *последним произведениям* Языкова посвящена заключительная, резюмирующая и, стало быть, ударная в композиционном плане глава, возвышенно названная строчкой из послания «К ненашим»: «И русский Бог еще велик!» (с многозначительным предуведомлением-комментарием: «Свое полемическое стихотворение Языков завершил восклицанием, которым, по преданию, Мамай объяснил свое поражение на Куликовом поле: “Велик русский Бог!”» [Языкова 1990, 122]). Автор подчеркивает значимость и значительность этих стихов Языкова (определивших в общественном сознании его «реакционную» репутацию), вскрывает ложность оценок их Белинским, Герценом и, по сути, всей либеральной и демократической критикой.

«Свыше полутора столетий прошло с тех пор, как было написано стихотворение “К ненашим”. Может быть, настало время относиться к ним как к факту общественной борьбы и читать так же, как мы читаем “Бесов” Достоевского? – вопрошает Е.В. Языкова. – Может быть, пришла пора видеть философское содержание стихотворения, не пытаясь безуспешно отыскивать за обобщенными характе-

ристиками реальные прототипы? Эти характеристики так и не поддались за полтора столетия безоговорочно точному определению... Обращаясь к полемическим посланиям Языкова, критики всегда упрекали, почти обличали резкость их тона, – так почему же мы не защищаем от излишней резкости их оппонентов Языкова?» [Языкова 1990, 129, 140]).

Наряду с работой Е.В. Языковой отметим также и книгу В.В. Афанасьева «Там, за далью непогоды...» (1990) [Афанасьев 1990]. Серьезный, глубокий, на одном дыхании читаемый и о многом заставляющий задумываться труд. При этом оговоримся, что *тональность* его определялась спецификой издательства «Детская литература», обращенностью к «старшему школьному возрасту».

Языков был в числе любимых поэтов Афанасьева. В дальнейшем, уже принявший монашеский постриг в 67-летнем возрасте и выступавший в печати под именем Лазаря, он написал такие стихи:

Читай, – потратить ночь не жалко...
Как свеж венок из русских слов!
Душа Языкова волжанка,
И стих его – с тех берегов.

Для нас чужие реки узки,
Чужие чужды пастухи!..
А хочешь знать, как жить по-русски, –
Читай Языкова стихи [Монах Лазарь (Афанасьев) 2019, 343].

***

И вот еще о чем невольно думаешь, читая статью Садовского. Ведь в некотором отношении он как бы и о себе написал, себя предсказал...

И в его жизни две резко означенные полосы естественно делят надвое и творчество его. И так же являются как бы два совершенно различных человека, и у второго из них тоже грозно потребовала отчета за каждое потерянное мгновение неумолимо суровая судьба.

Садовской так акцентирует вехи житейского пути поэта: «Хмельные излишества и забавы юных дерптских дней не прошли

безнаказанно для здоровья Языкова и тяжким бременем легли на беззаботные его плечи. Болезнь принесла поэту горькое похмелье. Уже в 1826 году замечаются у него первые признаки сухотки, сведшей его через двадцать лет в преждевременную могилу. Вначале болезнь не особенно давала о себе знать... <но впоследствии> все яростнее начинает наступать на бедного поэта. У него отнимаются ноги; сгорбленный, мучимый одышкой...» [Садовской 1990, 413].

Чем не портрет самого автора? И у него все схоже с *болезнью* – от тех же «излишеств», губельных страстей и соблазнов в чужом городе, вдали от спасительного отчего дома... Хорошо знавший Садовского его друг Ходасевич в уже упоминавшемся нами преждевременном некрологе без утайки поведал (причем едва ли не символично приводя горький *языковский контекст*): «В 1913 году, пишуци цикл стихов под общим заглавием “Самовар”, последнее стихотворение закончил он пожеланием умереть

тихой смертью от угара.

В этом стихе затаена была очень грустная мысль. Уже тогда <...> Садовской знал, что легкая, безболезненная кончина вряд ли ему суждена. Болезнь, стувившая Гейне, Ницше, Языкова, – давала уже себя знать, Садовской очень деятельно лечился, но все, конечно, было напрасно. С 1915 года начались местные параличи (в руке, в ноге), а в 1916 году он слег окончательно, чтобы 8 или 9 последних лет провести в “матрачной могиле”. Теперь, говорят, он умер на больничной койке...» [Ходасевич 1996, 325].

...Ходасевич, как оказалось, ошибся. Садовской выжил. И тут уж судьбы его и героя статьи кардинально расходятся. И если «страшная хворь раздвоила поэтическое сознание» Языкова, то Садовской явил поразительную цельность личности, крепчайшее интеллектуальное здоровье и, пусть и прикованный к инвалидному креслу, ощущал себя полноценным человеком-творцом, могущим и кому-то немощному помочь укрепиться духовно⁹. И прожил еще десятилетия, и написал лучшие свои произведения.

---

⁹ Он смог бросить вызов року – и победить, подобно *пловицу* из знаменитой языковской песни:

Многоговорящи такие строки о Садовском (затворнике нищенской комнатухи-«кельки» в Новодевичьем монастыре) литературоведа Т.Г. Зенгер-Цявловской (в письме к матери): «Он вообще очень колоритная, своеобразная фигура. Он – разбитый параличом человек; максимальное, на что он способен, это сидеть в креслах. Он не стар. Ему, может быть, 50 лет. Но при этом необыкновенно интенсивно работающая мысль, он всё время пишет, обдумывает романы, весь погружен в творчество... Мы были у него с Мстиславом [Александровичем Цявловским]. Он принял нас в небесно-голубом халате, с кружевным воротничком и серебряными бомбочками-пуговицами» [Садовской 1993, 14].

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользкие волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грядет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепко парус мой [Языков 1982, 125].

Источники

Андреева 1997 – Андреева И.П. *Неизвестная статья Бориса Садовского «Четыре смерти»* // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета. М., 1997. С. 191–209.

Богословский 1968 – Богословский А.Н. *Нагродская Евдокия Аполлоновна* // Краткая литературная энциклопедия. Т.5. М., 1968. Стб. 70.

Ипатова 2022 – Ипатова С.А. *Модернисты в «левом» демократическом журнале «Современник»: Переписка Б.А. Садовского и Е.А. Ляцкого (1912–1913)* // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст: коллективная монография. СПб., 2022. С. 465–506.

Кушлина, Коханова 1999 – Кушлина О.Б., Коханова А.В. *Нагродская Евдокия Аполлоновна* // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 202–205.

Монах Лазарь (Афанасьев) 2019 – Монах Лазарь (Афанасьев). *Здесь начинается Рай. Духовная поэзия*. М, 2019.

Нагродская РГА.ЛИ – Нагродская Е.А. *Письмо Б.А. Садовскому* // РГА.ЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 97.

Парнис, Тименчик 1985 – Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. *Программы «Бродячей собаки»* // Памятники культуры. Л., 1985. С. 160–257.

Садовской 1912 – Садовской Б.А. М. *Зенкевич. Дикая порфира*. (1909–11 г.) СПб. 1912 // Современник. 1912 (май). Кн. 5. С. 361–362.

Садовской 1916 – Садовской Б.А. *Ледоход: Статьи и заметки*. Пг., 1916.

Садовской 1990 – Садовской Б.А. *Лебединые клики*. М., 1990.

Садовской 1991 – Садовской Б.А. *Записки (1881–1916)* // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. 1. М., 1991. С. 106–183.

Садовской 1993 – Садовской Б.А. *«Весь» (Воспоминания сотрудника)* // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб., 1993. С. 7–53.

Садовской РГА.ЛИ – Садовской Б.А. *Письма А.Я. Садовскому (отцу) и А.И. Садовской (матери)* // РГА.ЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 276. 159 л.

Садовской РО ИР.ЛИ – Садовской Б.А. *Письмо Е.А. Нагродской* // РО ИР.ЛИ. Ф. 123. Оп. 1. №. 747. 2 л.

Ходасевич 1996 – Ходасевич В.Ф. *Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому*. М., 1996.

Щербаков 1993 – Щербаков Р.Л. *Переписка В.Я. Брюсова с Б.А. Садовским* // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 101–122.

Языков 1982 – Языков Н.М. *Сочинения*. Л., 1982.

Литература

Афанасьев 1990 – Афанасьев В.В. *«Там, за далью непогоды...»*. М., 1990.

Лю, Михайлова 2018 – Лю Инь, Михайлова М.В. *Творчество хозяйки «нехорошей квартиры», или Феномен Е.А. Нагродской*. М., 2018.

Языкова 1990 – Языкова Е.В. *Творчество Н.М. Языкова: Книга для учителя*. М., 1990.

**FROM THE MEMORY OF BORIS SADOVSKY'S LITERARY
CONTACTS IN THE CAPITAL: COOPERATION
WITH THE ALMANAC "ST. PETERSBURG EVENINGS"**

© **Izumrudov Yuri Aleksandrovich** (2022), ORCID: 0000-0001-8945-4786, SPIN-code: 2178-5120, D. in Philology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), izumrud.nnov@mail.ru

This article examines aspects of B.A. Sadovsky's literary contacts in St Petersburg. For Sadovsky who became a writer in Moscow it was important to establish himself also in the capital where the best literary forces were concentrated. And in order to outline some of the stages of this affirmation, the article includes excerpts from Sadovsky's yet unpublished letters to his parents in Nizhny Novgorod, which contain relevant information. Central to the article is a description of the circumstances of Sadovsky's collaboration with the almanac "St. Peterburg (Petrograd) Evenings", published by E.A. Nagrodskaya, author of the novel "The Wrath of Dionysus", which caused a stir in readers' circles. The facts of Sadovsky's acquaintance and communication with Nagrodskaya are highlighted in the context of the iconic subject connected to the St. Petersburg bohemia of the cabaret "The Stray Dog". The correspondence between Sadovsky and Nagrodskaya is published for the first time, with a detailed commentary. Also for the first time is an analysis of Sadovsky's article "N.M. Yazykov (Sketch of Life and Work)", published in the third issue of "Petrograd Evenings" (1914). In terms of genre, it is a literary portrait. A vivid, expressive text with a polemical mood, evoking the reader's undoubted interest. At the same time in the final conclusions sometimes too categorical biased. It is stressed that Sadovsky's evaluations were on the whole in line with the traditions of scholarly interpretations of Yazykov's poetry that emerged in the nineteenth and early twentieth centuries. Modern scholars take a more balanced approach to the analysis of Yazykov's creative fate. E.V. Yazykova's book "The Work of N.M. Yazykov" (1990) stands out in this respect. It contains poems about Yazykov by a great connoisseur of his works V.V. Afanasyev (Monk Lazarus).

In the context of Sadovsky's conception of Yazykov's creative path his own fate as a man and a creator is also discussed.

Keywords: B.A. Sadovsky, E.A. Nagrodskaya, "Petersburg Nights", "Stray Dog", N.M. Yazykov, E.V. Yazykova, V.V. Afanasyev (Monk Lazarus).

References

(Monographs)

Афанасьев 1990 – Afanas'yev V.V. «*Tam, za dal'yu nepogody...*» ["Out there, beyond the distance of bad weather..."]. Moscow, 1990. (In Russian).

Лю, Михайлова 2018 – Lyu In', Mikhaylova M.V. *Tvorchestvo khozyayki «nekhoroshey kvartiry», ili Fenomen E.A. Nagrodskoy* [The work of the mistress of the "bad flat", or the phenomenon of E.A. Nagrodskaya.]. Moscow, 2018. (In Russian).

Языкова 1990 – Yazykova E.V. *Tvorchestvo N. M. Yazykova: Kniga dlya uchitelya* [The Art of N.M. Yazykov: A Teacher's Guide]. Moscow, 1990. (In Russian).

Поступила в редакцию 11.12.2022